

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-103-119

ТАТАРСТАН НАЧИНАЕТ И ...? ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК В РОССИИ

Е. Ю. Цумарова¹

Статья посвящена анализу ситуации с изучением родных языков в национальных республиках в России и состоит из трех частей. В первой части представлена теоретическая основа исследования. Языковой вопрос рассматривается как часть проводимой региональными акторами политики идентичности, направленной на формирование «мы-сообщества» с целью легитимации властвующей элиты. Отмечается, что стратегии политики идентичности в регионах зависят от характера взаимоотношений центра и регионов, а также от деятельности федерального правительства по формированию общенациональной идентичности.

Во второй части статьи анализируется история политики идентичности в национальных республиках России в контексте развития федеративных отношений и процесса национального строительства. Формирование отношений центр-регионы в 1990-е гг. позволило национальным республикам активно использовать политику идентичности для достижения своих интересов как внутри региона, так и при торге с федеральным центром за дополнительные полномочия. Рецентрализация российского государства, произошедшая в 2000-е гг., трансформировала политику идентичности в регионах, основной целью которой стала демонстрация лояльности центральному правительству. Возврат прямых выборов губернаторов в 2012 г. вернул политику идентичности в региональную повестку дня, позволив некоторым из национальных республик вновь использовать ее для торга с центром.

Наконец, в третьей части статьи анализируется непосредственно конфликт вокруг языкового вопроса, начавшийся летом 2017 г. Отмена обязательного изучения родного языка в национальных республиках рассматривается, с одной стороны, как попытка федерального центра в одностороннем порядке пересмотреть сложившийся федеративный контракт и сузить пространство для использования этнической карты для национальных элит. С другой стороны, складывающаяся на данный момент ситуация представляется как возможность политическим элитам республик активизировать риторику политики идентичности внутри и вне региона для отстаивания собственных интересов.

¹ Цумарова Елена Юрьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ПетрГУ; доцент факультета сравнительных политических исследований СЗИУ РАНХиГС. E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Ключевые слова: политика идентичности; федеративный контракт; родные языки; Татарстан; национальные республики.

В июле 2017 г. на заседании Совета по делам национальностей при Президенте РФ Владимир Путин заявил о недопустимости принудительного изучения языков народов России¹. Президент подчеркнул значимость этнокультурного многообразия, однако предложил главам регионов сконцентрироваться на развитии этнокультурного туризма, а не на преподавании родных языков в школах. Заявление Президента вызвало широкую общественную дискуссию в тех регионах, в которых язык титульного этноса зафиксирован в качестве второго государственного. Многие высказывали опасение о том, что сокращение часов на изучение родного языка в школах приведет к упадку и исчезновению самобытной культуры народов России, полностью нивелирует федеративный характер российского государства. Так, например, Союз писателей Республики Татарстан в своем обращении к Президенту России отмечал, что «исключение татарского языка как государственного языка из списка обязательных предметов школьной программы повлечет за собой свертывание татарской письменности, литературы, да и всей татарской культуры»². При этом противники сокращения часов на изучение родных языков в школах зачастую использовали риторику политики идентичности, акцентируя внимание на необходимости повышения автономии политических сообществ в границах субъектов федерации.

Политика идентичности как инструмент политической борьбы

Термин «политика идентичности» довольно прочно вошел в научный оборот. Зачастую под ним понимается особая политическая практика социальных групп, связанная с борьбой за символические (властные) ресурсы. Как подчеркивает Г. Миненков, политика идентичности — это, прежде всего, «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии» [9, 24].

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109>, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

² Текст обращения Союза писателей Республики Татарстан к Президенту Российской Федерации В.В. Путину [Электронный ресурс]. URL: http://www.sptatar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1788:%F2%E5%EA%F1%F2-%EE%E1%F0%E0%F9%E5%ED%E8%FF-%F1%EE%FE%E7%E0-%EF%E8%F1%E0%F2%E5%EB%E5%E9-%F0%E5%F1%EF%F3%E1%EB%E8%EA%E8-%F2%E0%F2%E0%F0%F1%F2%E0%ED-%EA-%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%F3-%F0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9-%F4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8-%E2-%E2-%EF%F3%F2%E8%ED%F3&Itemid=695&lang=ru, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

В рамках исследований наций и национализма политику идентичности определяют как «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [12, 165]. О. Малинова предлагает рассматривать политику идентичности современных государств как составную часть символической политики, под которой понимается деятельность политических акторов, направленная на «производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [7].

Однако, как показывает И. Семененко, государство является только одним из участников политики идентичности. В ее формирование и реализацию вовлечены также «гражданские организации и гражданские институты, интеллектуальные сообщества и экспертные структуры, институты социальной сферы и культуры, СМИ, бизнес, органы местного самоуправления, сами граждане» [11, 101]. Помимо этого, наряду с государством агентами политики идентичности могут выступать и другие «политические предприниматели, прежде всего принадлежащие к различным сегментам элит» [5, 190]. Чаще всего речь в данном случае идет о политике идентичности, разворачивающейся внутри региональных политических сообществ.

В. Гельман и Е. Попова рассматривают политику идентичности в регионах как «деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [5, 192]. Другими словами, политика идентичности может быть определена как целенаправленная деятельность политических элит по формированию представлений о политическом сообществе с целью «легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона» [8, 126].

Представления о региональном сообществе – это, прежде всего, представление о членах сообщества. Формирование образа «мы» является неотъемлемой частью проводимой политики идентичности, наряду с символизацией и ритуализацией принадлежности к региону, а также определением границ «свой» - «чужой». Образ «мы-сообщества» содержит в себе так называемый «коллективный автопортрет» сообщества, указывающий на «ценностные основания его солидарности» [7]. Важную роль в процессе формирования и распространения образа сообщества играют институты социализации, такие как семья, школа, СМИ. При этом, как отмечает Л. Сагитова, ключевым инструментом такой социализации является язык, ведь именно с его помощью «постигается мир, на нем основаны как внешние коммуникации, так и процесс мышления личности» [10, 81]. Кроме того, именно язык позволяет создавать то, что К. Дойч называл общим жизненным контекстом. Общий жизненный контекст – это не только совокупность общих знаний и тем для обсуждения, но и способность

«понимать» собеседника. Это значит, что члены одного сообщества не нуждаются в каких-то пояснениях при упоминании известных для них людей, географических названий. Они могут сослаться на какие-то события без того, чтобы пояснять друг другу, кем является тот или иной человек, где находится тот или иной населенный пункт, что произошло в такое-то время и там-то.

Специфика политики идентичности в регионах обусловлена, в первую очередь, особенностями региона как составной части государства. Можно выделить два вида ограничений, которые влияют на формирование и реализацию политики идентичности в регионах. Первая группа ограничений связана с форматом отношений центр-регионы. В случае с федеративными государствами речь идет о тех элементах федеративного контракта, которые способствуют или, напротив, препятствуют автономному функционированию региона.

Вторым ограничением является деятельность центрального правительства по формированию общенациональной идентичности. Эта деятельность включает в себя распространение так называемой «высокой культуры», ведь, как отмечает Э. Геллнер, государство заинтересовано в «производстве жизнеспособных и полезных членов общества», которые будут «мобильными, готовыми переключиться с одной деятельности на другую» [4].

Соответственно, перед «политическими предпринимателями» в регионах стоят довольно специфические задачи. С одной стороны, политика идентичности в регионах направлена «внутри» сообщества и ставит своей целью укрепление электоральных позиций властвующих акторов. С другой стороны, политические элиты регионов вынуждены формировать политику идентичности и для внешнего рынка в лице центрального правительства, чтобы получать преференции в виде дополнительных полномочий или материальных ресурсов. Именно на этом уровне политика идентичности может рассматриваться как своеобразный ресурс региональных акторов в процессе торга с федеральным центром при формировании или пересмотре федеративного контракта. Как отмечает А. Стародубцев, «установившаяся территориальная система представляет собой результирующее такой торг равновесие, которое может быть пересмотрено – причем как центральными властями, так и регионами – в тот момент, когда у одной из сторон появятся необходимые для этого ресурсы» [13].

Наличие или отсутствие у региональных акторов специфических ресурсов определяет выбираемую ими стратегию политики идентичности. Как подчеркивает М. Китинг, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения» [6, 75]. Используя терминологию У. Бека¹, можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут

¹ У. Бек говорил о необходимости замены концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета». Под последним он понимает некоторое

быть целью политики идентичности. Первый тип – «эксклюзивная» идентичность - строится на противопоставлении региональной и общегосударственной идентичности. Региональные элиты в данном случае заинтересованы в обретении максимальной автономии, либо полного суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством. Центральным элементом такой политики является культивирование уникальности, самобытности региона, конструирование его истории, отличной от истории всего государства.

Региональные элиты могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как «инклюзивную». В данном случае региональная политика идентичности направлена, скорее, на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичностей. Формирование инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость [15].

Таким образом, политика идентичности рассматривается как деятельность региональных политических акторов, направленная на формирование представлений о «мы-сообществе» в границах субъекта федерации. Цель политики идентичности внутри региона заключается в легитимации властвующих институтов, выраженной в электоральной поддержке. На внешнем рынке политика идентичности может использоваться как ресурс в торге с центральным правительством при формировании или пересмотре федеративного контракта. Такой торг становится возможен только в том случае, когда региональные акторы выбирают стратегию формирования «эксклюзивной» идентичности, направленной на продвижение уникальности и самобытности региона

Одним из инструментов политики идентичности в региональных сообществах выступает язык, который позволяет создавать общий жизненный контекст, определять отличительные черты «своего» сообщества. Языковой вопрос приобретает особую значимость в условиях так называемой языковой конкуренции, когда родной язык региона «не совпадает с тем, на котором основана доминирующая «высокая культура» [10, 81]. В этом случае стратегии региональных политических предпринимателей могут варьироваться от полного принятия доминирующей культуры и перевода родного языка в категорию второстепенных, до обострения борьбы с федеральным центром за культурную и/или политическую автономию.

Определяя «правила игры»: история политики идентичности в республиках России

Национальные республики в составе России представляют собой особый тип субъектов федерации, которые получили дополнительные полномочия в результате целого ряда конфликтов начала 1990-х гг. В первую очередь, речь идет о конфликте между РСФСР и СССР, который ознаменовался суверенизацией не только союзных республик, но и автономных республик в составе РСФСР. Так, уже 9 августа 1990 г. Карелия приняла Декларацию о государственном суверенитете КАССР, которая, помимо прочего, устанавливала карельское гражданство. Подобные декларации впоследствии были приняты большинством республик в составе России.

Распад Советского союза не только не остановил процесс суверенизации, но поставил на повестку дня вопрос о сохранении территориальной целостности российского государства. Прежде всего это было обусловлено событиями на Северном Кавказе, а также тем, что руководство Татарстана требовало предоставить республике все больших полномочий, угрожая выходом из состава РФ. Как писал С. Хенкин, Москва критически не переосмыслила лозунга суверенизации, выдвинутого в борьбе против союзного центра, который изначально «способствовал национальной и региональной консолидации», а позднее «обернулся против целостности самой России» [14, 14].

Центральное правительство пыталось установить новые правила игры с республиками, инициировав подписание 31 марта 1992 г. Федеративного договора. В соответствии с этим документом, республики в составе России получали статус государственных образований, имеющих право самостоятельно участвовать в международных отношениях и обладающих большим объемом полномочий в реализации внутренней политики¹. Договор был подписан всеми республиками, за исключением Татарстана и Чечни, которые стали разыгрывать «этническую» карту в борьбе с федеральным Центром за дополнительные полномочия.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция России закрепила особый статус республик в составе России. Помимо права принимать собственную конституцию и формировать органы государственной власти республик, статья 68 предоставила республикам право устанавливать второй государственный язык и использовать его в органах государственной власти и местного самоуправления на территории республики. Этим правом воспользовались практически все национальные образования. На протяжении 1990-х гг. статус второго государственного получили 37 языков, включая 13 языков народов Дагестана в 20 рес-

¹ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (Москва, 31 марта 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/170280/>, свободный. 01.06.2018.

публиках. Исключением стала Республика Карелия, в которой дискуссия о втором государственном языке не завершилась установлением карельского в качестве второго государственного. Только в 2004 г. карельский, вепсский и финский языки получили статус официальных языков республики, которые могут использоваться органами государственной власти и местного самоуправления, а также при проведении выборов и референдумов в местах компактного проживания носителей языка.

Утверждение вторых государственных языков, помимо всего прочего, означало внедрение родного языка и в систему образования. При этом только в 8 республиках изучение второго государственного языка объявлялось обязательным для всех учащихся вне зависимости от этнической принадлежности¹. В большинстве республик второй государственный язык преподавался либо в качестве факультатива, либо являлся обязательным только для представителей титульного этноса.

Таким образом, в 1990-е гг. были обозначены основные контуры федеративного контракта, которые распространялись на большинство национальных республик. Исключением все также являлся Татарстан, с которым в 1994 г. был подписан первый двусторонний договор, а также Чечня, противоречия с которой центральное правительство пыталось решить силовым путем. Политика идентичности при этом стала для республиканских элит «наиболее подходящим инструментом в борьбе с “центром” за ренту на природные ресурсы и контроль над регионом» [1, 215], в то время как этнический фактор во многом служил «ресурсом и инструментом консолидации населения республики вокруг ее лидеров» [10, 98].

Произошедшая в 2000-х гг. рецентрализация российского государства стала главным фактором, повлиявшим на изменение политики идентичности в регионах. Усиление позиций федерального центра, построение «вертикали власти» с последующей отменой прямых выборов губернаторов привели к трансформации политики идентичности в регионах. Так как важным направлением деятельности региональных лидеров стала демонстрация лояльности федеральным органам власти, то именно они и стали главным «потребителем» политики идентичности. Встраивание региона в единое российское пространство являлось необходимым условием для получения различных льгот и преференций от федерального центра.

В то же время пересмотр правил взаимоотношений центра и регионов практически не коснулся культурной и образовательной политики, проводимой регионами. Как отмечают И. Бусыгина и М. Филиппов, основными требованиями федерального центра «выступали поддержание лояльности и обеспече-

¹ Надо подчеркнуть, что количество регионов, обязывающих учить второй государственный язык, менялось на протяжении 1990-х и 2000-х гг. В тексте указано максимальное количество регионов.

ние «заказанных» центром электоральных результатов», при исполнении которых «центр попустительствовал региональным властям, предоставляя им широкую свободу действий» [3]. Именно в этом контексте можно рассматривать заключенный в 2007 г. новый двусторонний договор между органами государственной власти России и Республикой Татарстан. Новый договор, хотя и лишал Татарстан права устанавливать республиканское гражданство, но зато позволил выдавать вкладыш в российский паспорт на татарском языке, а также обязывал государственных служащих Татарстана владеть татарским языком¹.

С 2011 г. начался новый виток трансформации политики идентичности в регионах, что было связано, прежде всего, с активизацией деятельности федеральных органов власти по формированию общенациональной идентичности. Так, на состоявшемся 11 февраля 2011 г. Государственном совете по национальной политике впервые за долгое время была озвучена идея о необходимости разработки комплексных планов мероприятий, направленных на укрепление общероссийской идентичности и гармонизации межэтнических отношений.

Как реакция на озвученные идеи в декабре 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., одной из целей которой провозглашалось «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»². Утвержденная 20 августа 2013 г. федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» также ставила своей целью «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»³. Реализация программы предполагала разработку всеми субъектами аналогичных программ, направленных, с одной стороны, на содействие этнокультурному многообразию народов России, а с другой стороны, на укрепление единства российской нации и гармонизацию межнациональных отношений. Такая формулировка целей программы вынуждает российские регионы находить баланс между этнической и национальной идентичностями, что само по себе является своеобразным вызовом для региональ-

¹ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>, свободный (дата обращения: 10.06.2018).

² О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 дек. 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>, свободный (дата обращения: 06.06.2018).

³ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)»: постановление от 20 августа 2013 г. [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>, свободный (дата обращения: 06.06.2018).

ных элит. Наконец, в декабре 2016 г. Правительство утвердило новую программу "Реализация государственной национальной политики", одной из составных частей которой стала подпрограмма "Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России"¹. Фактически эта программа стала продолжением принятой тремя годами ранее ФЦП, сохранив двойственную формулировку цели: "укрепление единства российской нации и обеспечение этнокультурного развития народов России".

Другим фактором трансформации политики идентичности стали очередные изменения в характере федеративных отношений. Озвученный в апреле 2012 г. возврат прямых выборов губернаторов актуализировал проведение политики идентичности внутри регионального сообщества. Избираемым губернаторам вновь пришлось заниматься консолидацией населения, обеспечивая легитимность властвующим институтам. Однако не все республики воспользовались правом восстановления прямых выборов глав исполнительной власти. После внесения изменений в федеральный закон, позволяющий регионам самостоятельно выбирать механизм избрания на должность высшего должностного лица², Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария оставили прежний механизм наделения полномочиями. Таким образом, национальные республики в составе России оказались в неравных условиях. Республики, вернувшие прямые выборы губернаторов, получили возможность вновь использовать политику идентичности для ведения переговоров с федеральным центром, тогда как оставшиеся регионы по сути отказались от пересмотра правил игры.

Примером достаточно успешного торга в это время можно назвать Татарстан, которому удалось пролоббировать сохранение поста Президента республики. Так, еще в декабре 2010 г. Государственная дума приняла закон, предписывающий регионам отказаться от наименования «президент» для руководителей исполнительной власти. Регионы должны были внести необходимые изменения до 1 января 2015 г., однако, позже этот срок продлили на один год для тех регионов, с которыми действуют двусторонние договоры³. К началу 2016 г. должность президента была упразднена во всех регионах, кроме Республики Татарстан. Как отмечали средства массовой информации, руководство Татар-

¹ Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики»: постановление от 29 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/26005/>, свободный (дата обращения: 06.06.2018).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. Закон Рос. Федерации от 2 апр. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=174894&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.21470921144194755#04193256662027598>, свободный (дата обращения: 10.06.2018).

³ Путин подписал закон о сохранении должностей президентов субъектов РФ до 1 янв. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1743921> (дата обращения: 05.06.2018).

стана использовало несколько аргументов в диалоге с центром¹. Во-первых, решение об изменении названия должности главы республики может быть принято только на референдуме, что закреплено в Конституции Татарстана. Во-вторых, двусторонний договор 2007 г. был подписан Президентом республики. И, наконец, в-третьих, на выборах 2015 г. население голосовало за кандидата на должность Президента Татарстана, соответственно, до окончания полномочий действующего Президента изменения не могут быть проведены.

Таким образом, история политики идентичности в национальных республиках демонстрирует противоречивую динамику, которая обусловливается ограничивающими факторами. Трансформация взаимоотношений центр-регионы, а также активизация деятельности центрального правительства по формированию общенациональной идентичности на первом этапе привела к изменению направленности политики идентичности в регионах, а затем вернула ее в региональную повестку дня. При этом, вплоть до 2017 г., федеральный центр не контролировал использование этнических сюжетов в проводимой республиками политики идентичности, декларируя курс на поддержание этнокультурного многообразия.

Родной язык как вопрос политики и идентичности

Вопрос изучения родного языка в национальных республиках неоднократно становился предметом общественных и политических дискуссий внутри регионов [см., например, 16], однако, при этом он ни разу не выходил на федеральную повестку дня. Поворотным пунктом стало высказывание Президента России о недопустимости принудительного изучения родных языков в школах в июле 2017 г. После этого в республиках прошли прокурорские проверки, выявившие многочисленные нарушения федерального законодательства в части реализации образовательной политики². В большей степени проверки коснулись Татарстана и Башкортостана, где на изучение вторых государственных языков приходилось в среднем около пяти часов в неделю³. При этом власти республик настаивали на необходимости обязательного изучения языков.

¹ См., например: Татарстан отстаивает Президента [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

² См., например: В Башкирии начались проверки школ на добровольность изучения башкирского [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/28/v-bashkiriinachalis-proverki-shkol-na-dobrovolnost-izucheniya-bashkirskogo> (дата обращения: 06.06.2018).

³ Татарский язык делают необязательным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447958> (дата обращения: 05.06.2018).

Сложившаяся к началу осени 2017 г. ситуация фактически означала новый виток пересмотра федеративного контракта, инициированный федеральным центром. Центральное правительство впервые указало на необходимость регламентации тех сфер, которые до этого находились под полным контролем республиканских элит. В некоторых случаях республики и сами меняли контуры взаимодействия с центром, очерчивая, казалось, незыблемые полномочия субъекта федерации, к которым относится в том числе «отстаивание права на поддержание религиозных и этнических традиций на территории республики» [13].

При этом стоит отметить, что изменение правил игры происходит не болезненно. Руководители республик пытаются отстоять право регионов формировать образовательную и культурную политику с учетом особенностей территорий. Лидером в этой борьбе стал Татарстан, больше всех пострадавший от нововведений. Так, уже в ноябре 2017 г. на заседании Государственного совета Республики Татарстан Президент Р. Минниханов заявил о том, что в результате переговоров с Министерством образования и науки России было сформулировано предложение об изучении татарского как второго государственного языка в республике в размере двух часов в неделю¹. Позже эту договоренность подтвердил и Полномочный представитель Президента в Приволжском федеральном округе М. Бабич².

Однако 10 апреля 2018 г. в Государственную думу был внесен законопроект о добровольном изучении национальных языков республик. В соответствии с проектом, преподавание вторых государственных и родных языков может вестись только факультативно, по желанию родителей и не в ущерб изучению русского и иностранного языков. Законопроект вызвал недовольство в большинстве республик. Так, союз журналистов Дагестана заявил, что инициаторы проекта «замахнулись на самое ценное и святое для нашей многонациональной семьи народов России – на родной язык»³. Глава комитета по образованию и национальным вопросам Татарстана Р. Валеев сравнил законопроект с «помин-

¹ Стенограмма заседания государственного совета Татарстана 8.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/activity/stenogram/2017/081117> (дата обращения: 05.06.2018).

² Татарскому языку дали зеленый свет [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3479370?from=four_strana (дата обращения: 07.06.2018).

³ Союз журналистов Дагестана выступил против внесения поправок в закон об образовании [Электронный ресурс]. URL: https://www.riadagestan.ru/news/society/soyuz_zhurnalistov_dagestana_vystupil_protiv_vneseniya_popravok_v_zakon_ob_obrazovanii/ (дата обращения: 05.06.2018).

ками по родным языкам»: «У нации, у которой нет национальной школы, нет будущего»¹. Кроме того, противниками новой инициативы выступили родители, жители национальных республик, направившие обращение к Президенту России, а также создавшую петицию «Нет закону против родных языков»².

8 июня на расширенном заседании рабочей группы Государственной думы по проекту об изучении родных языков было озвучено предложение оставить изучение родного языка в обязательной части образовательной программы, добавив возможность выбора русского языка как родного. Председатель комитета по образованию Государственной думы В. Никонов отметил, что такой вариант «развязывает» ситуацию, но при этом изучение родного языка остается обязательным для всех. Но одним из этих языков может быть русский»³.

Вопрос об изучении родных языков в многонациональном государстве – это вопрос не просто распределения полномочий между разными уровнями власти. В первую очередь, это вопрос идентичности. Противники нового законопроекта обращаются к риторике идентичности, рассматривая язык как неотъемлемую черту этнической идентичности. На это, в частности, указывают члены Совета по правам человека при Президенте России: «Большинство людей стремятся сохранять свою национальную, этническую идентичность, они ценят свое конституционное право говорить, думать, обучаться на родном языке». Ограничение же этого права может рассматриваться как «мера принудительной ассимиляции и искоренения самобытности народов, проживающих на территории России»⁴.

Запрет на обязательное изучение родных языков в этом контексте может вызвать серьезную напряженность как в межнациональных отношениях, так и в отношениях между центром и регионами. Республиканские лидеры на данный момент находятся в ситуации «между двух огней»: с одной стороны, они все еще продолжают находиться в зависимости от федерального центра, что требу-

¹ Татарский язык довел до спикера Госдумы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614085> (дата обращения: 06.06.2018).

² Родители Татарстана и Башкортостана отнесли в Госдуму 20 тыс. писем против законопроекта о добровольном изучении языков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/385470> (дата обращения: 07.06.2018).

³ Рабочая группа вышла на компромиссный вариант законопроекта об изучении родных языков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.er-duma.ru/news/rabochaya-gruppa-vyshla-na-kompromissnyy-variant-zakonoproekta-ob-izuchenii-rodnykh-yazykov/> (дата обращения: 07.06.2018).

⁴ В СПЧ обеспокоены намерением законодателей перенести преподавание родного языка в вариативную (необязательную) часть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4599/> (дата обращения: 08.06.2018).

ет от них проявления лояльности. С другой стороны, большинство из них обладает демократической легитимностью и несет ответственность перед избравшим их населением региона. В этой связи политика идентичности, направленная на поддержание культуры, языка, традиций этнических групп, может вновь выступать ресурсом как внутри региона, так и за его пределами. Тем более, как показывает Г. Юсупова, в результате проводимой в 1990-е гг. политики по возрождению национальных традиций и культур в ряде российских республик сформировался класс этнически ориентированной молодежи, которая противостоит насаждению русской культуры [17, 7].

Таким образом, политика идентичности в национальных республиках России разворачивается на нескольких уровнях, на каждом из которых органы власти преследуют разные цели. Так, на внутреннем рынке политика идентичности является механизмом консолидации общества, легитимации действующих институтов. Формирование регионального сообщества позволяет политическим акторам артикулировать особые интересы региона как автономного политического образования. Несмотря на существующие разногласия в вопросе об обязательном изучении родных языков внутри национальных республик¹, на официальном уровне региональные элиты заявляют о недопустимости разделения общества по этническому или языковому принципу, о необходимости консолидации всех групп для отстаивания интересов региона².

На внешнем рынке главным потребителем политики идентичности является федеральный центр, для которого важна демонстрация лояльности со стороны регионов. При этом политика идентичности выступает как своего рода козырь в руках республиканских элит, который может быть использован для выстраивания отношений с центральной властью. В конце 2017 г. Татарстан предпринял попытку повлиять на меняющиеся правила игры во взаимоотношениях центр – регионы, апеллируя к риторике идентичности. Некоторое время такая стратегия казалась вполне успешной, стороны демонстрировали стремление к нахождению компромисса. Однако на данный момент последнее слово в споре о языках осталось за федеральным центром.

¹ Так, в частности, русскоязычные родители Татарстана и Башкортостана создали петицию «О необходимости приведения объемов преподавания русского языка в Республике Татарстан до уровня других субъектов России». См., например: Татарский или русский? [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/tatarskiy_ili_russkiy_5062390 (дата обращения: 01.07.2018).

² Спикер Госсовета Татарстана выступил за отмену добровольного изучения татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/5138680> (дата обращения: 01.07.2018).

Библиографический список

1. *Ачкасов В. А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 232 с. [Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti [Identity politics of multiethnic states in the context of security problem solving. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2012. 232 p.].
2. *Бек У.* Что такое глобализация?: ошибки глобализма - ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; послесл. А. Ф. Филиппова; ред. Л. Н. Павлова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 302 с. [Beck U. Chto takoe globalizaciya? : oshibki globalizma - otvety na globalizaciyu [What is globalization? Errors of globalism - answers to globalization. Transl. by A. Grigoriev, V. Sedel'nik; afterword by A.F. Filippova; ed. by L.N. Pavlova. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 2001. 302 p.].
3. *Бусыгина И., Филиппов М.* Агенты и принципалы: чего ожидать после вертикали власти? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html>. Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2012. №4) (дата обращения: 09.06.2018). [Busygina I., Filippov M. Agenty i principaly: chego ozhidat' posle vertikal' vlasti [Agents and principals: what to expect after the vertical of power]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html> (accessed 09.06.2018)].
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019915>. Аналог печат. изд. (Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991). (дата обращения: 10.06.2018). [Gellner E. Nacii i nacionalizm [Nations and Nationalism. Transl. by T.V. Berdikova, M.K. Tyun'kina; ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress Publ., 1991]. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019915> (accessed 10.06.2018)].
5. *Гельман В.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. С. 187–254. [Gel'man V. Regional'nye politicheskie elity i strategii regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii [Regional political elites and strategies of regional identity in contemporary Russia // Center and regional identities in Russia /European University at St. Petersburg, Department of Political Science and Sociology. Ed. by V. Gel'man, T. Hopf. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 2003].

6. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116. [Keating M. *Novyj regionalizm v Zapadnoy Evrope* [The new regionalism in Western Europe // Logos. 2003. No. 6. P. 67–116].
7. *Малинова О.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (дата обращения: 21.05.2018). Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. 2010. № 1). [Malinova O. *Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii* [The construction of macro-political identity in post-Soviet Russia]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (accessed 21.05.2018)].
8. *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. М., 1999. С. 126–137. [Meleshkina E. *Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiyskogo politicheskogo prostranstva* [Regional identity as one of the issues of the Russian political space // Regional self-consciousness as a factor in the formation of political culture in Russia. Ed. by M.V. Il'in, I.M. Busygina. Moscow, 1999. P. 126–137].
9. *Миненков Г.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. 2005. №3. С. 21–28. [Minenkov G. *Politika identichnosti: vzglyad sovremennoy social'noy teorii* [Identity Politics: the view of contemporary social theory // Political Science. 2005. No. 3. P. 21–28].
10. *Сагитова Л.* Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. СПб., 2003. С. 77–124. [Sagitova L. *Regional'naya identichnost': social'nye determinanty i konstruktivistskaya deyatelnost' SMI (na primere respubliky Tatarstan)* [Regional Identity: Social Determinants and Constructivist Media Activity (a case study of the Republic of Tatarstan) // Center and regional identities in Russia / European University at St. Petersburg, Department of Political Science and Sociology. Ed. by V. Gel'man, T. Hopf. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 2003].
11. *Семененко И.С.* Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.). И.С. Семененко (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 86–100. [Semenenko I.S. *Nacional'nye praktiki formirovaniya grazhdanskoй identichnosti: opyt sravnitel'nogo analiza*

- [National Practices of Civil Identity Formation: Comparative Analysis Experience // Identity as a Subject of Political Analysis. Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva, V.V. Lapkin, P.V. Panov. Moscow, 2011].
12. Семенов И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 162–167. [Seменов I. Politika identichnosti [Identity Politics // Political Identity and Identity Politics. Vol. 1. Identity as a Category of Political Science. Glossary of Terms and Concepts. Moscow, 2012].
 13. Стародубцев А. Пересмотр федеративного контракта в России: случай Чеченской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8282> (дата обращения: 9.06.2018). Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2017. №1). [Starodubcev A. Peresmotr federativnogo kontrakta v Rossii: sluchay Chechenskoj respubliky [Revision of the federal contract in Russia: the case of the Chechen Republic. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/8282> (accessed 09.06.2018)].
 14. Хенкин С. Сепаратизм в России: позади или впереди? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. С. 5–19. [Khenkin S. Separatizm v Rossii: pozadi ili vpered? [Separatism in Russia: behind or ahead? // Pro et Contra. 1997. Vol. 2. No. 2. P. 5–19].
 15. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России [Электронный ресурс]: научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898> (дата обращения: 02.07.2018). [Tsumarova E. Politika identichnosti v regionakh Rossii [Identity politics in the regions of Russia. Available at: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898> (accessed 02.07.2018)].
 16. Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1589> (дата обращения: 09.06.2018). Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2011. №6). [Khodzhaeva E. Tatarskiy yazyk v shkolakh Tatarstana: obshchestvennye debaty i mnenie naseleniya [The Tatar language at Tatarstan schools: public debates and the opinion of the population. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1589> (accessed 09.06.2018)].
 17. Yusupova G. Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalizing state: ethnic minority nationalism in Russia // Nations and Nationalism. 2017. P. 1–24.

TATARSTAN BEGINS AND ...? LANGUAGE QUESTION IN THE IDENTITY POLITICS OF NATIONAL REPUBLICS IN RUSSIA

E. Yu. Tsumarova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of World History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University; Associate Professor, Department of Comparative Political Studies, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the situation with studying native languages in national republics of Russia. The first part of the paper presents the theoretical basis of the study. The language issue is considered as a part of the identity policy pursued by regional actors aimed at forming "we-community" in order to legitimize the ruling elite. It is noted that the strategy of identity policy in the regions depends on the nature of the relationship between the center and the regions, as well as on the activities of the federal government to form a national identity.

In the second part of the article, the history of identity policy in national republics of Russia is analyzed in the context of the development of federal relations and the process of national construction. The formation of the center-regions relations in the 1990s enabled the national republics to actively use the policy of identity to achieve their interests both within the region and in bargaining with the federal center for additional powers. The re-centralization of the Russian state, which took place in the 2000s, transformed the policy of identity in regions, the main purpose of which was to demonstrate loyalty to the central government. The return of direct gubernatorial elections in 2012 brought identity policy back to the regional agenda, allowing some of the national republics to use it again for bargaining with the center.

Finally, the third part of the article analyzes the conflict over the language issue which began in the summer of 2017. On the one hand, the abolition of the compulsory study of the native language in national republics is seen as the attempt of the federal center to unilaterally revise the existing federal contract and to narrow the space for using the ethnic card by national elites. On the other hand, the current situation is presented as an opportunity for the political elites of the republics to activate the rhetoric of identity policy within and outside the region to defend their own interests.

Keywords: identity politics; federative contract; native languages; Tatarstan; national republics.